

Цю Ибо смущенно закрыл дверь своей пещеры-обитали под пронизывающим взглядом, который ясно говорил: «Не нашел – значит, не делал».

Как же это объяснить?

Его мысли металась между «срочно начать доделывать задания и сдать их завтра» и «раз уж все равно раскрыли, можно и попозже сдать». Теоретически, начать сейчас – лучший вариант. Всего-то задания за сто с лишним лет... Когда его заточили в Ледяную тюрьму, возможности доделать не было, но после освобождения он хоть немного, но практиковался. Правда, по сравнению с общим объемом за сотню лет... это капля в море.

Но если говорить откровенно, он только что совершил нечто грандиозное: в мире Туманных Путей он дрожал от страха, осторожничал и мечтал лишь о возвращении домой. Теперь, наконец, оказавшись здесь, разве не заслужил отдыха? Хотя бы пару недель? С такими заслугами, а его еще и заставляют догонять задания – даже вьючных ослов так не гоняют!

Цю Ибо утешал себя: «Всего-то задания за сто с лишним лет!»

Всего-то... сто с лишним... черт возьми!

Сто с лишним лет! Тридцать тысяч ударов мечом в день, за год – больше десяти миллионов, умножь на сто... Кто сказал, что это «всего-то»?!

Его сердце сжалось от тревоги. Даже когда его терзали иллюзии Лунной Рыбы-Фантома, он не чувствовал такого смятения. Внезапно он вскочил, хлопнул Бо'Эра по щеке и пробормотал:

- Я же отделил тебя именно для выполнения заданий... Теперь эта ноша на тебе.

Цю Ибо тут же собрал вещи. К счастью, как культиватор, он носил все необходимое с собой, и ему не нужно было паковать чемоданы или покупать билеты. Время было еще раннее, и он уже собирался уходить, как вдруг за дверью пещеры увидел Цю Линьхуая, спокойно пьющего чай на небольшой площадке перед входом.

Сердце Цю Ибо дрогнуло. Чувствуя неладное, он сделал вид, что все в порядке, и поклонился:

- Отец, сегодня так рано?

- Не рано. – Цю Линьхуай неторопливо возился с чайными принадлежностями.

Зрелище было прекрасное: глиняный чайник на углях, пар, струящийся над водой, изящные руки, заваривающие чай... Если бы не его собственная вина, Цю Ибо с удовольствием бы сел и наслаждался чаем, приготовленным отцом.

- Куда собрался? – спросил Цю Линьхуай между делом.

Цю Ибо напряженно улыбнулся:

- Никуда. Просто давно не был дома, хочу перекусить в Холодных Горах, прогуляться по секте. Еще проверить Сотовую сеть – прошло уже несколько сотен лет, пора бы и починить.

- Угу. – Цю Линьхуай медленно кивнул.

- Разве ты не занят подготовкой к поездке на Гору Байлянь? – спросил Цю Ибо. – Как нашел время пить чай у меня?

Его обитель не могла похвастаться ни лучшими видами, ни самым обильным духовным потоком, ни особой атмосферой. Все здесь дышало его стилем – разве что удобством. Но такое удобство нравилось только ему, и 99% тех, кто сюда приходил, делали это исключительно ради него.

- Не настолько я занят, чтобы не выпить чашку чая. – Цю Линьхуай сделал паузу, и Цю Ибо понял, что сейчас последует главное. – Недавно ко мне пришли ученики из Десятого Шага. Говорят, ты не можешь найти Колокол Очищения от Пыли. Это правда?

Цю Ибо сохранял невозмутимое выражение лица, излучая благородство и добродетель:

- Отец, ты же знаешь, что в этом путешествии было много опасностей. Возможно, в спешке я перепутал артефакты и выбросил его.

Тут он осознал – что-то не так!

Разве ученики Десятого Шага настолько бездельничают, чтобы жаловаться Цю Линьхуаю на невыполненные задания? Его отец – Истинный Правитель! Вся секта знает, что он занят испытаниями с Горой Байлянь – настолько, что даже не смог проводить Цю Ичун в Блистающий Цветок, хотя путь занимает всего несколько часов. Кто бы осмелился беспокоить его по таким пустякам?!

Цю Ибо приподнял бровь и посмотрел на отца с новым пониманием – вот оно что! Теперь ясно, почему ученики Десятого Шага появились так быстро! Это все его рук дело!

Десятый Шаг отвечал за внутренние дела учеников – по сути, за распределение ресурсов. Учитывая разницу в уровнях, поколениях и постоянные изменения, а также тысячи учеников Линсяо, не говоря уже о дополнительных распоряжениях от патриарха и Истинных Правителей, работы у них было невпроворот! Когда бы они нашли время специально прийти к нему за Колоколом Очищения от Пыли, чтобы выдать ресурсы? В детстве они сами ходили в Десятый Шаг за своим довольствием!

- О? – Цю Линьхуай махнул рукой, и перед Цю Ибо появился изящный песочные часы. – Тогда вот тебе новые. Эти дни проведи в обители, доделай задания. Иначе мне тебя не оправдать.

Колокол Очищения от Пыли Цю Ибо благополучно лежал в Кольце Хранения – новый ему был не нужен. Взяв его, он потерял бы все накопленное! Пусть и капля в море, но это его капля! Он принял серьезный вид:

- Отец, ты не знаешь, но я не могу оставаться в горах для практики!

- Почему?

- Я должен вернуться в Яньцзин, чтобы почтить память старших.

- Это не срочно. Разве не лучше пойти после дел с Горой Байлянь? Тем более, если время позволит, можно задержаться на год-другой. – Цю Линьхуай говорил спокойно, без особого почтения – что неудивительно, ведь он сам был предком рода Цю. Если разбираться в поколениях, Цю Ибо просто подхватил обращение от далеких потомков.

- Боюсь, нет. – Цю Ибо стоял на своем. – Мой кризис приближается. Если затянуть, он может стать роковым.

Цю Линьхуай усмехнулся:

- Разве не кстати? У какого Истинного Правителя кризис был таким легким?

Он явно не собирался уступать.

Цю Ибо покачал головой:

- Я дал Небесную Клятву.

Цю Линьхуай: - ...? Когда?

- Сейчас. - Цю Ибо тут же поднял три пальца и быстро произнес клятву, не дав отцу заткнуть ему рот. После этого дело было решено - Цю Ибо пришлось бы идти.

Цю Линьхуай: - ...

- Хе-хе. - Цю Ибо подмигнул, глядя на ошарашенного отца. - Тогда я пошел! Занимайся своими делами! Я вернусь через полмесяца!

Цю Линьхуай: - ...

Цю Ибо успешно сбежал из цепких лап отца, без лишних слов взосел на летающий корабль и менее чем за день добрался до Яньцзина. Сто лет пролетели как одно мгновение, но город почти не изменился - лишь персиковые цветы и весенний ветер сменили лица людей. На этот раз он поступил мудро: приземлился прямо во дворе дома Цю, у старого гинкго с характерной формой, избежав повторения истории с задержанием и вызовом родственников.

Однако гинкго, похоже, чем-то болел - выглядел вялым. Цю Ибо погладил его кору, отполированную до гладкости прикосновениями многих рук, раздавил пилюлю, развел ее в родниковой воде и вылил под дерево. В мгновение ока оно ожило, листья расправились, словно кусочки нефрита.

Этому гинкго уже очень много лет - его посадили при рождении отца и третьего дяди. Изначально было два дерева, но со временем они срослись в одно, поддерживая друг друга, что создавало особую атмосферу. Получалось, ему уже больше тысячи лет. Если бы у него была возможность, он уже обрел бы сознание.

Цю Ибо наложил вокруг дерева защитную печать - во-первых, чтобы уберечь от болезней и вредителей, а во-вторых... Хотя гинкго - символ долголетия и удачи, но если вдруг пробудившееся сознание окажется не самым воспитанным, а во дворе живут обычные люди? Вдруг дерево решит ими перекусить? Вреда от печати не было, так что лучше перестраховаться.

На стволе, внизу, с обратной стороны, он заметил криво вырезанную надпись: «Не хочу в школу»... Он улыбнулся - все дети одинаковые.

- Кто здесь?! - раздался голос.

Цю Ибо обернулся и увидел двух служанок. Увидев его, они замерли, затем поспешно опустили глаза:

- Это внутренний двор, молодой господин, вы, возможно, заблудились?

Сегодня во внешнем дворе был пир – наверное, кто-то из гостей ошибся дверью. Но... почему у него седые волосы? И выглядит он словно не настоящий!

– Я не заблудился. – Цю Ибо ответил. – Передайте, что хозяин Павильона Холодного Источника вернулся.

В доме Цю всегда держали несколько свободных дворов – для тех, кто ушел на путь духовного совершенствования. У Цю Ибо, Цю Лули, Цю Хуайли, его отца, третьего дяди – у всех были свои дворы. Ведь нельзя же, вернувшись домой, жить в гостевых покоях. Для посторонних объясняли, что они уехали учиться.

Просто некоторые дворы пустовали сотни лет, так и не дождавшись хозяев.

Служанки засуетились и поспешили передать весть. Цю Ибо, сложив руки за спину, остался стоять под гинкго, глядя на угасающую весну. Не то чтобы он забыл дорогу в свой двор, но люди сменились, и внезапное появление могло напугать женщин.

Он покачал головой – вернулся домой, а чувствуешь себя гостем.

Теплый ветер донес знакомый аромат, и Цю Ибо вдруг вспомнил, как они с Бо'Эром в каком-то заведении уплетали ядовитые пирожки с грибами, да еще и с собой взяли. Наверное, Император Цзе тогда обомлел.

Весна – как раз сезон грибов.

Вскоре появилась толпа людей: седовласые старики, изысканные дамы, молодые красавцы и прекрасные девушки. Во главе шел старик, который, увидев серебристые волосы и бирюзовые одежды, опустился на колени и поклонился:

– Внук Цю Юньчжо кланяется предку!

Рядом пожилая женщина также поклонилась:

– Невестка Ван Сысинь приветствует предка!

Остальные, недоумевая, но быстро сообразив, последовали их примеру. Кто-то прошептал:

– Это... Суйсин?

– Точно? – тихо отозвался другой. – Вылитая копия портрета в родовом зале!

Женщина средних лет бросила на них строгий взгляд, и они замолчали. Все взрослые слышали, что в их роду были предки, ушедшие на путь бессмертия, но никто их не видел. К тому же, за последние сто лет в роду Цю не рождались одаренные, так что все считали это легендой. И вот теперь они увидели бессмертного!

Цю Ибо услышал их и улыбнулся – оказывается, в зале висел его портрет. Надо будет посмотреть, хорошо ли получился.

Двое почувствовали, как под этим взглядом у них по спине побежали мурашки, и поспешили назвать его предком и поклониться. Цю Ибо поднял руку, давая знак не кланяться:

– Ты чей потомок?

- Мой дед - Цю Фэйли. - ответил Цю Юньчжо. - Не знал о возвращении предка, простите за нерадушный прием!

- Мы семья, не стоит церемоний. - Цю Ибо улыбнулся. - Я вернулся на полмесяца, не нужно устраивать шума. Сегодня просто хотел увидиться и запомнить ваши лица.

- Как скажете.

Цю Ибо указал на двух юношей:

- Давно не был здесь, пусть они покажут мне вокруг.

- Слушаюсь! - Цю Юньчжо тут же подтолкнул их. - Служите предку! И будьте внимательны!

Те переглянулись и вздохнули:

- Да, дедушка.

Вскоре двор опустел, вновь обретя тишину. Цю Ибо медленно направился к своим покоям, а двое нерешительно следовали за ним. Несмотря на то, что они уже были учеными и готовились к свадьбам, перед Цю Ибо они невольно робели.

- Как вас зовут? - спросил Цю Ибо неспешно.

- Младший Цю Жаньинь.

- Младший Цю Жаньфэй. - ответили они чинно.

- Хорошие имена. - похвалил Цю Ибо, оглядывая знакомые и обновленные павильоны. - В родовом зале есть мой портрет?

Цю Жаньинь кивнул:

- Да, предок.

- Какой он? - поинтересовался Цю Ибо.

Да, он хотел услышать комплименты. В конце концов, он предок, а два потомка вряд ли осмелятся назвать его уродливым.

Его лицо - результат многовековых заслуг рода Цю.

Как и ожидалось, Цю Жаньфэй ответил:

- Младший глуп, но портрет - лишь мертвое изображение, не передающее и тысячной доли величия предка.

Цю Ибо вздохнул про себя - ну почему нельзя просто сказать, что он красавец, элегантный, прекрасный, как Пань Ань... Ладно, вряд ли они решатся на такие откровенные комплименты.

И этот уже неплох.

Двор Цю Ибо находился недалеко от родового зала, и он не мог пройти мимо. Оставив двоих ждать у входа, он вошел внутрь. Хранителем зала был старый слуга, но не тот, что раньше. Его

потухшие глаза вспыхнули при виде Цю Ибо, и он опустился на колени:

- Этот раб приветствует предка.

- Встань. - Цю Ибо улыбнулся. - В твоём возрасте не стоит лишний раз кланяться.

- Благодарю предка за заботу. - старик с трудом поднялся и открыл дверь.

Тяжелый аромат сандала встретил Цю Ибо. Он вошел, поднял голову и увидел ряды табличек - помимо знакомых, добавилось много новых: старший дядя, старшая тетя, второй дядя, третий дядя, дядя Ланьхэ... старший брат, второй брат...

Все эти люди когда-то говорили с ним, смеялись, пили вино, строили планы... А теперь стали безжизненными табличками, на которых несколькими иероглифами уместились их жизни.

В мире Туманных Путей воспоминания о них вызывали грусть, но теперь... все было иначе.

Смена времен, чередование весны и осени, возвращение звезд...

Луна холодна, солнце тепло - они жарят человеческую жизнь.

Когда-то он рыдал без остановки, а теперь воспринимал это как должное.

Когда-нибудь и его табличка появится здесь.

Цю Ибо усмехнулся - не надо думать о плохом. Он хотел жить долго-долго, желательно до тех пор, пока феодализм не сменится социализмом. Тогда он своими глазами увидит, как купленные им земли и собранные антикварные вещи превратятся в музей или торговую улицу, а потомки Цю будут богатеть, просто собирая плату за вход.

Даже если к тому времени от него не останется ничего, кроме фамилии, сама мысль об этом радовала его.

Ведь он старался, и видеть плоды своих трудов - уже счастье.

Он взял благовония, которые сами собой загорелись, поклонился перед табличками и поставил их в курильницу. Он не стал задерживаться, чтобы предаться воспоминаниям, а после продолжил осмотр и вскоре нашел свой портрет - и портрет Цю Ланьхэ.

Такие, как они, достаивались портретов в родовом зале.

Всего их было пять или шесть.

Он всмотрелся в свое изображение. Портрет был написан вместе с Цю Ланьхэ, бумага пожелтела от времени и дыма, но краски, хоть и потускневшие, обрели особый шарм. На картине они не сидели чинно - Цю Ланьхэ с улыбкой держал фишку для го, а он поднимал чашку с чаем. Мирные времена.

Это должно было быть вскоре после его возвращения. Цю Ланьхэ выглядел на тридцать с небольшим - лучшие годы для него и для Цю Ибо.

Он подошел ближе, разглядывая детали. Было ли такое на самом деле?

Было. Они играли в го столько раз, что не счесть.

В глазах Цю Ибо светилась теплая улыбка. Взглянув на подпись, он убедился, что автором был Цю Ланьхэ. Он коснулся картины, наложив защитную печать, чтобы она сохранилась как можно дольше.

А что до сходства... Главное – передать суть. Цю Ланьхэ не изучал скетчинг или масло, но атмосферу уловил. Во всяком случае, получилось лучше, чем у него самого – хоть и не так красиво, как в реальности.

Интересно, откуда они достали этот портрет? И как поживают карпы, которых выращивал Цю Ланьхэ? Наверное, сменилось уже несколько сотен поколений...

Ладно, лучше не смотреть.

Цю Ибо открыл потайную дверь, откуда хлынул духовный поток. Это была его малая молельня, где хранились таблички тех, кто дал ему возможности, и предков рода Цю, вставших на путь духовного совершенствования. Он зажег благовония и увидел, что перед табличками лежат свежие цветы и фрукты – старый слуга не пренебрегал своими обязанностями.

А за дверью Цю Жаньинь и Цю Жаньфэй округлили глаза. Они бывали в родовом зале не раз, но никогда не знали о потайной двери!

Выйдя, Цю Ибо повел их к своему двору. Цю Жаньфэй не удержался – предок казался доброжелательным – и тихо спросил:

- Предок, в зале еще кто-то есть?

Цю Жаньинь неодобрительно посмотрел на него:

- Жаньфэй, не болтай лишнего! Простите его, предок!

- Ничего страшного. – Цю Ибо улыбнулся. – Там нет ничего запретного... Только таблички тех, кто, как и я, встал на путь духовного совершенствования, и тех, с кем у меня была кармическая связь. Если будет время, можете зажечь для них благовония.

Цю Жаньфэй не унимался:

- В нашем роду много таких, как вы? Почему мы никогда их не видели?

- В горах нет дней и месяцев, а в мире проходят тысячелетия. – объяснил Цю Ибо. – Ваш прадед был моим двоюродным братом. В нашем поколении несколько человек встали на этот путь. Небольшое затворничество – и проходят десятки, сотни лет. Неудивительно, что вы их не видели.

- Понятно. – Цю Жаньфэй хотел спросить еще, но Цю Жаньинь дернул его за рукав. Цю Ибо догадывался, о чем они думают: можно ли летать, нужно ли учиться столярному делу...

Цю Жаньфэй сердито посмотрел на Цю Жаньина – он еще хотел спросить, что значит «Суйсин»!

Цю Ибо улыбнулся и вошел в Павильон Холодного Источника. Взмахнув рукавом, он разогнал пыль, и все вокруг засияло чистотой. Двое смотрели во все глаза, а он уже удобно устроился у пруда.

Двор всегда содержали в порядке, но без жильцов он терял уют. Теперь, с его возвращением,

жизнь вернулась, и все заиграло новыми красками.

- Завтра пусть ваша бабушка навестит меня. - распорядился Цю Ибо.

Домом всегда управляли женщины, так что лучше обратиться к старшей. Он привез много вещей - ткани, лекарства, одежду - все это нужно передать в надежные руки. Также он отдаст им пилюли и обереги - остальное они распределят сами.

Они поклонились, и Цю Ибо отпустил их.

Уже уходя, они услышали:

- И проследите, чтобы на гинкго больше ничего не вырезали.

Цю Жаньфэй удивился - это дерево было семейной реликвией, кто посмеет его повредить? А вот Цю Жаньинь покраснел - в детстве он что-то вырезал на стволе...

Предок заметил?!

Он поднял голову и увидел, как Цю Ибо, глядя на пруд, наслаждается весенним пейзажем, не обращая на них внимания.

Выйдя из павильона, они облегченно вздохнули и переглянулись.

- Предок такой красивый... - прошептал Цю Жаньфэй. - Почему наш прадед не унаследовал его внешность? Тогда первый красавец Яньцзина был бы тобой или мной.

- Тише! - Цю Жаньинь нахмурился. - Если предок услышит, тебе несдобровать.

Цю Жаньфэй рассмеялся:

- Предок точно не обидится.

- Кстати, статуя в храме Суйсин даже близко не передает его облика... Хотя дух уловила. Если бы удалось изобразить хотя бы десятую часть его величия, все девушки Чжумин грезили бы о нем...

- Заткнись уже!

Примечание автора:

1 Фраза разделена на две части.

«Смена времен, чередование весны и осени, возвращение звезд...» - первые три строки взяты из поста в Weibo пользователя. Автор запомнил их за их потрясающую красоту, а последнюю строку («Луна холодна, солнце тепло - они жарят человеческую жизнь») добавил сам.

Вторая часть («Луна холодна, солнце тепло - они жарят человеческую жизнь») взята из стихотворения Ли Хэ «Короткие дни скорби» (династия Тан).

Ли Хэ - один из «Трех Ли» эпохи Тан (наряду с Ли Бо и Ли Шань). Его стихи отличаются меланхоличной, но яркой красотой. Рекомендуется к прочтению.

<http://bllate.org/book/14686/1310571>